

Дата получения: 08/05/2020

Дата принятия: 16/09/2020

(стр. 1-22)

Живое наследие Лагича¹

Галина Вудова²

Аннотация

Данное исследование основано на полевом материале,³ собранном во время проживания в Азербайджане в 2012-2016 гг., и рассматривает идентичность населения Лагича. Лагичцы живут в отдалённом горном святилище⁴ долины реки Гирдиман, где они удивительным образом сохранили древний юго-западный иранский 'татский' язык, ремесленничество, традиционный образ жизни, народные сказания, праздники, ритуалы и моральные ценности. Внимание зарубежных специалистов сосредоточено в основном на статусе государственных языков новообразованных республик Средней Азии и Азербайджана. Одна из причин,

¹ Я благодарна жителя Лагича, моему научному руководителю доктору Малечковой (Jitka Malechkova) и поддерживавшему меня супругу Джорджу. На это исследование меня вдохновил Джошуа Фишман.

² Карлов Университет, Прага (woodsinaltai@yahoo.com)

³ Докторская диссертация "Lahij, Living Heritage of Azerbaijan" защищена в 2016 году в FF UBVA, UK [кафедра востоковедения], Карлов Университет, Прага.

⁴ Я выбрала термин "горное святилище" для культурной ниши в горах, сохранившей некоторые архаичные черты, в основном исчезнувшие вне ее.

приведенных для выделения актуальности данной темы, заключается в том, что малочисленные народности Азербайджана составляют менее 10% от общего числа населения страны. Носители региональных языков уже встречаются редко, хотя все еще представляют собой живую часть оставшейся красочной мозаики. Антропологический метод включенного наблюдения,¹ адаптированный к данной ситуации, был использован как один из способов выявления самобытности лагичцев региона.

Ключевые слова: Лагич, язык, идентичность, самобытность, ремесленничество, сказания, этика

Выбор Лагича

При рассмотрении вопроса о выборе общины, говорящей на родном языке, было нецелесообразно сосредотачиваться на лезгинах и талышах из нестабильных пограничных зон. Удины,² как народ имеющий раннехристианскую историю со времен Кавказской Албании, имеют некоторый привилегированный статус. Горские евреи, также говорящие на юго-западном иранском языке,³ более известны благодаря высокому интересу со стороны мирового сообщества евреев. Многие горские евреи переселяются за рубеж, особенно в Израиль. Более того, они также наделены преимуществами письменного языка. Их литература⁴ в

¹ Психолог Лоик Вакквант использовал термин «включенного наблюдения», тренируясь с боксерами, чтобы понять моральное обоснование с их точки зрения (Wacquant, 2010). Антрополог Кэрл Делани анализирует подобный способ приспособления жизни иностранного исследователя в анатолийской деревне Турции (Delaney, 1991).

² Об удинском языке см., в частности, Alexidze/Blair, 2003: 56-57).

³ Русские филологи назвали его татским, но таты-евреи, подчеркивая еврейскую идентичность, добились переименования на *Juhuri* и самоназвания *Juhurihon*.

⁴ Анисимов, 1888; Беккер, 2000; Семенов, 2007; Агарунов, Я./ Агарунов, М., 2010.

основном издается за рубежом, а учебники и словари - также в Баку.

С одной стороны, у лагичцев нет письменности, с другой, обширное богатство их устной традиции до сих пор не было тщательно изучено. Лагичцы привязаны к своей земле-сердцевине. Хотя они принимают невест извне, те интегрируются, досконально изучая язык и нравы. Таким образом, Лагич остается однородным. Лагич также имеет преимущество перед несколькими пастушескими поселками народностей Шахдагского горного хребта – только Лагич является центром традиционного мастерства с самобытным образом мышления. Окончательное решение было принято, когда гостеприимные лагичцы пригласили меня приехать и пожить среди них.

Доступ и подход

Лагич, расположен высоко в горах, в зеленой, живописной долине реки Гирдиман. Народ Лагича называет свой плодородный край *Cənnət Bağı*, т.е. «рай, райский сад».

Веками, вплоть до 1969 года, когда проложили первую грунтовую дорогу, до Лагича можно было добраться только по узкой опасной тропинке. Путешественники, ехавшие верхом на лошадях или верблюдах, иногда были вынуждены спешиваться и прислоняться спиной к крутому утесу. Сегодня до Лагича можно доехать за четыре часа, направляясь на северо-восток от Баку в сторону районного центра Исмаиллы. В свое время горная крепость была построена как оборонительное сооружение. Параллельно с этим Лагич устоял как обитель традиций и особого менталитета, который если и подвергается изменениям, то медленными темпами.

Подход к традиционной общине требовал соответствующего отношения. Так как я приехала намерением изучать местный язык и культуру, практически все жители Лагича стали моими

учителями. Одна наставница, *kele zən*,¹ мудрая и жизнерадостная 72-летняя Зибо *ханум*,² стала для меня ключом к открытию понимания Лагича. Люди с юмором называли меня *Зибора дими*, т.е. хвостиком Зибо, так как я постоянно за ней ходила, следовала её советам по поводу всех мероприятий и принимала участие в ее ежедневных делах.

Отношение к этнониму «тат»

Изначально, на основании имеющихся публикаций, моя диссертация должна была называться «Неизвестные таты Азербайджана». Столкновение с реальной ситуацией и восприятием людей потребовало внесения некоторых изменений.

Первая историческая запись этнонима «тат» обнаружена в рунах, высеченных на каменных стелах древними тюрками. Они называли себя *Kök Türk*, т.е. «небесные, голубые тюрки». Надпись находилась рядом с рекой Орхон в Монголии, к востоку от Алтайских гор, колыбели тюрков. Текст представляет собой эпитафию в честь усопшего правителя Тоньюкука в 726 году нашей эры. Общим значением «тат» в данном контексте было «другой, иной», «живущий рядом, но отличный от 'нас', (*Kök Türk*)». Позднее обозначение «тат» также вобрало в себя значение оседлого, иранского народа.

Следующая тюркская ссылка, указывающая на тот же статус отношений, содержится в сборнике Махмуда Кашгари XII века. Древняя тюркская пословица, переведенная на азербайджанский язык, звучит следующим образом:

Başsız börük heç olmaz, Tatsız Türk de olmazdır - Как börük (традиционная меховая шапка), не имела бы значения без головы, так и турок был бы никем, если бы не жил вместе с татом.

¹ Kele zən – букв. «великая женщина», та, к которой приходят за советом.

² Вежливое обращение к женщине.

Ранний иранский элемент присутствовал в регионе уже несколько тысячелетий. Грантовский утверждает, что задолго до Сасанидов ираноязычные племена были жителями территории, ныне называемой Азербайджаном, начиная с 700 года до н. э. (Грантовский, 1970).

Хотя азербайджанский язык относится к тюркской языковой семье,¹ в нем сохранилось множество слов иранского происхождения, которые, с точки зрения носителя азербайджанского языка, не воспринимаются как иностранные. Во времена Сасанидов среднеперсидский был общераспространенным языком. Таким образом, уцелевшие иранизмы были частью субстрата тюркского диалекта, который позже стал доминирующим. Широкое использование персидской речи сохранялось в течение девятого и десятого веков (там же.).

В 1853 году Российская академия наук осуществила первые экспедиции по документированию иранской речи. В 1961 году Грюнберг классифицировал этот язык как юго-западный иранский, тесно связанный с персидским языком (Грюнберг, 1961). Уже тогда он заметил, что иранский язык быстро исчезает, будучи вытесняем тюркским наречием. Русские филологи называли этот юго-западный иранский язык татским и, соответственно, говорящих на нем - татами. Само это название предполагало кого-то отличающегося от тюркоязычного населения. Сами носители данного иранского диалекта называли себя парсами, так что «тат» закрепилось изначально как экзоэтноним.

Санкт-Петербургские ученые обратили внимание на некоторые диалектические разновидности татского языка. Большинство из них приписывали это религиозной дифференциации. Всеволод Миллер, тем не менее, утверждал, что различия, скорее, зависят от географического положения. Поскольку религиозные различия были ярко выраженными, таты были подразделены на три группы: таты-иудеи, таты-христиане и таты-мусульмане. Люди Лагича были

¹ Изначально *azəgi* - название иранского языка, близкого к талышскому.

отнесены к татам-мусульманам".

С появлением независимой Азербайджанской Республики азербайджанский стал официальным языком средств массовой информации и образования. В настоящее время азербайджанский язык доминирует в стране. Удивительно то, что, несмотря на активную национальную политику ассимиляции, оставшиеся меньшинства еще не растворились полностью: три основные группы - тюркских, иранских и коренных кавказских языков - по-прежнему представляют собой многоязычную картину. Ключевой проблемой меньшинств является то, что в непреодолимой конкуренции с азербайджанским языком их родные языки находятся на грани вымирания.¹

Американский исследователь Кайл Л. Марквардт (2011) рассматривает языковые проблемы национальных меньшинств, раскрывая символическую природу социально-политической терминологии. Он поясняет, что в стране анонсируются цели сохранения разнообразия, но при этом требуют, чтобы меньшинства выражали исключительно идентичность граждан Азербайджана. То есть Азербайджан пытается одновременно извлечь выгоду из национализма и из имиджа мультикультурализма. Государство упоминает о разнообразии, на самом деле не поддерживая его жизнеспособность (Marquardt, 2011: 182). Правительство создает видимость поддержки языков меньшинств, при этом всячески поощряя доминирование азербайджанского языка.² Социо-лингвистические исследования,

¹ Радикальный подход к противодействию утраты языка предложен Фишманом (Fishman, 1991). Объективные взгляды на проблемы азербайджанских исследователей: Cavadov, 2000, 2005; о языке и культуре северных татов, Насиуев, 1995.

² О точке зрения местных специалистов на языковую политику см. Garibova/Asgarova, 2009.

проведенные в сотрудничестве ЛИЯ и НАНА, подтверждают реальность многоязычного ландшафта Азербайджана. Одновременно, данные полевых работ подчеркивают стремительную азербайджанизацию и угрозу исчезновения языков автохтонов. До советизации и далее, вплоть до господства государственного языка¹ языки автохтонов и азербайджанский язык находились в состоянии стабильной диглоссии. Эти отношения равенства были устойчивыми, потому что два сосуществующих языка проявлялись каждый в своей специфической области. В дальнейшем, когда азербайджанский язык был закреплён как язык образования, ситуация изменилась. Социолингвистический анализ Джона Клифтона предполагает, что основная причина срыва передачи заключается в том, что родители, стремясь к образовательному успеху, говорят по-азербайджански уже с дошкольниками (Clifton, 2008).

Жители Лагича в беседах приводят факты, подтверждающие анализ Клифтона: «Пока нам не исполнилось шесть лет, мы разговаривали со всеми на нашем родном языке и не находили в этом ничего странного. Самое большое потрясение мы испытали, когда вошли в подготовительный класс школы. Мы вдруг погрузились в тырки (так мы называем азербайджанский), и нам сказали, что тырки теперь наш родной язык. Не было никакого постепенного обучения. Учитель говорил по-азербайджански, ничего не объясняя на понятном нам языке. Конечно, мы сначала не понимали, что происходит, и чувствовали себя отстающими в обучении. Переход к школьной жизни был болезненным. Именно от этого мы и хотели оградить наших малышей. Потом мы стали разговаривать с ними на тырки дома, чтобы они не чувствовали себя запуганными, начиная учебу».

¹ Altstadt, 1992; Bolukbasi, 2011; Cornell, 2011; Cummings, 2012; Swientochowski, 1985; Swientochowski/Collins, 1999.

Правительство называет указанные преобразования в среде этнических меньшинств позитивным термином «интеграция». Для описания того же процесса азербайджанский язык использует идиоматическое выражение "перемешиваются и варятся." Следовательно, образ котла более точно отражает данную реальность. В английском языке «интеграция» иллюстрируется примером «салатницы» с различными, все еще узнаваемыми кусочками овощей; тогда как «кипящий котел», скорее, соответствует термину ассимиляция. Пример «салатницы» подразумевает возможность того, что все еще есть некоторые живые семена, доступные для воспроизведения их собственного вида. Это параллель с носителями языка в отдаленных общинах, стремящимися передать свой родной язык следующему поколению.

На данный момент осталось всего около 1600 носителей лагичского языка, которые используют его в основном дома. Помимо родного и азербайджанского, старшее поколение, получившее советское¹ образование, знает и русский язык. Молодые люди также понимают турецкий язык благодаря тому, что смотрят турецкие телепрограммы. Старейшины обеспокоены тем, что дети подвергаются пропаганде потребительского мышления. Стремясь противостоять этому влиянию, они стараются добавлять еще один язык религиозной службы, арабский. В период летних каникул муллы учат школьников читать на арабском. Лагичцы ощущают отсутствие собственного письменного языка. Древние защитные надписи на фасадах их домов, однако, вырезаны на каменных табличках с использованием алфавита, адаптированного для персидского языка.

¹ Примеры советского влияния: Cummings, 2012; Khalid, 2007.

Для внутренней самоидентификации лагичцы избрали имя своего родного края, называя себя лойишихон а свой язык, соответственно, - лойиши. Дадаш Алиев предложил исправить название монографии Гулсум Хусейновой Язык Лагичских татов на Татский язык¹ лагичцев. Лагичцы подчеркивают приверженность как к своей местной, так и к общенациональной идентичности. Жизненно важным элементом идентичности лагичцы считают родной язык. Самые сокровенные мысли лойишихон выражают на родном языке и хотят сохранить его для потомков.

Из интервью с носителем *лойиши*, который называет азербайджанский язык "тырки", т.е. тюркским: "Под давлением азербайджанского образования мы стали стыдиться своего языка. Азербайджанский язык является официальным. Мы почему-то чувствовали себя практически вне закона, говоря на нашем языке; хотя наш древний язык, на котором мы говорим, действительно делает нас теми, кем мы являемся. Мы не хотим, чтобы наши дети забыли его навсегда, но, когда мы переезжаем в Баку, становится все труднее его сохранять. Молодое поколение уже перешло на тырки."

Лагичцы считают себя носителями единственно правильного, нормативного языка. Соответственно, жители сёл говорят на «искаженных диалектах». Однако фактическое сравнение показывает, что крестьяне из *Heftəsou*, *Brədol* и *Ahən* сохранили более древние, полные формы слов. Деревни не являлись оживленным рынком ремесел и, следовательно, оставались менее подверженными влиянию извне. Это можно проиллюстрировать сравнением порядковых чисел. В обоих местах они уже приобрели тюркские суффиксы *-чи*. На персидском в числительных *дувомин* «второй», *севомин* «третий» сохранился иранский суффикс *-ин*.

¹ О юго-западном иранском языке Лагича, см. Windfuhr, 2012; в частности, о грамматике см. Грюнберг, 1961; Миллер, 1905; Hüseynova, 2002. Клифтон составил карту региональных языков (см. Clifton, 2002, 2008).

Жители сел сохранили *йежимчи* – «первый», с оригинальной корневой морфемой *йек*- «один», но сами лагичцы перешли полностью на тюркское слово *биринчи*. Азербайджанский язык постоянно изменяет не только фонетические и лексические, но и грамматические особенности этого древнего иранского языка.

Лексика Лагича заимствовала тюркское *гузи* – «ягненок», тогда как сельчане сохранили иранское *вере*. Слово *вечеле* – «малыш, маленький», употребляемое в сёлах, в Лагиче сократилось в *бижле*, заменяя и архаичное древнеиранское начальное *в*- на современное новоперсидское начальное *б*- (Hüseynova, 2009).

Сегодня Лагич стал популярным центром, окруженным деревнями, зависящими от его производства. Жители сел приходили покупать или обменивать на натуральные продукты почти все предметы повседневного обихода.

Жители поселка городского типа гордятся своим мастерством. Целенаправленное использование жилья – отличительная характеристика образа жизни ремесленников. Двухэтажные дома построены с *emalətxana* - мастерской на первом этаже. У крестьян, вместо мастерских, нижний этаж превращен в амбар, курятник или конюшню; домашний скот остаётся в тепле во время суровых зим. До сих пор сельские жители зависят от Лагича в плане таких услуг, как подковывание лошадей. Все предметы повседневной жизни по сей день представляют собой ручную работу мастеров Лагича. Таким образом, «городской менталитет» был приобретен через практику многочисленных ремесел.

Этногенетические легенды лагичцев

Одна из версий жителей Лагича об их происхождении была озвучена во время интервью бывшим директором исторического заповедника, директором Центра туризма и преподавателем Лагичской школы Дадашем Алиевым. Разговор проходил за столом, накрытым к празднику Новруз, 2012¹ в их гостеприимном

¹ Wood, 2012; Новруз: Abdullah/Babaev, 2007.

доме. Чейран-ханум, жена Дадаша-*muəllim*¹, приготовила вкусное блюдо - *dulmə bih*, долма, завернутая в айвовый лист.

“Мы, жители Лагича, были исконными кавказскими албанцами, жившими в этом прекрасном, приятном месте до того, как сюда прибыли носители татского языка. Люди решили жить здесь давным-давно, потому что здесь много воды и пастбищ. Турки, прибывшие последними, должны были поселиться в пустыне и на равнинах, так как это было все, что осталось. Иранский язык заменил коренной язык, на котором мы говорили раньше. Наша кулинария - доказательство того, что мы оседлые люди, а не кочевники. Сложные блюда, которые мы готовим, зависят от развитого сельского хозяйства; мы используем рис, овощи и специи”.

Дадаш-муэллим подчёркивает: порой забывают о том, что первые селения принадлежали коренным кавказским народам, и что Азербайджан представляет собой этническую смесь кавказского, иранского,² семитского и новейшего тюркского элементов. Тюркский язык стал доминирующим в настоящее время.

При правлении Сасанидов северные границы Ирана должны были быть защищены от нападений кочевников. Переселение иранцев произошло во времена правления Ездигерда (420-438 гг.) и Хосрова I Ануширвана (531-578 гг.), которые построили оборонительный пояс из 360 крепостей. Этот процесс продолжался и при сыне Хосрова. Армянский автор «Хроник Кавказской Албании» Моисей Каланкатуаци (1984) упоминает о 30000 семьях, говорящих по-татски, которые были переселены Мехром, родственником Хосрова II, над рекой Гирдиман. При

¹ Muəllim, "учитель" является уважительный термин.

² См., в частности, Diakonoff, 1985; Frye, 1963, 1996, 1997, 2012; Грантовский, 1970; Schwartz, 1985.

Джаваншире крепость стала процветающей столицей Гирдиманского ханства.¹

В. Ф. Минорский (1963: 32-33) связал Лагич с Лагичаном в иранской провинции Гилан. Он утверждает, что новые места обитания обычно получают наименования старых, прежних мест обитания.² Топоним Ниял в Гилане, а также горный хребет Ниял в Лагиче подтверждают его предположение. Тем не менее, юго-западная иранская речь и некоторые иные детали указывают на то, что, возможно, некогда лагичцев жили в провинции Парс. Кроме того, название ласточки - *parstak* - указывает на то, что лагичцы, вероятно, проживали здесь, прежде чем они мигрировали через провинцию Гилан.

Культурная ниша» включает в себя влияние данной культурной и природной среды, через которую создается идентичность. Память и понимание вызывают ощущение особого места. С этими пейзажами тесно связаны истории людей и события, которые они вспоминают, культурное богатство, которое способствует чувству местной самобытности (Тейлор, 2008).

¹ Лайзан принадлежал Ширванскому ханству (Минорский, 1963). Хосров I переселил некоторые юго-западные иранские племена на север (Brunner, 1983: 764-765). Йездигерд (420-438) и Хосров I Ануширван построили Северный горный пояс из 360 крепостей и переселили иранцев (Ализаде, 2010: 40). Баласаган простирался от Гилана до Дербенда, укрепленного Хосровом I (ibid.: 764-765) Эта прибрежная Татско-говорящая территория, проходила через Баку до Дербенда; сейчас в России 50 км на север от границы. Крепость Фит-Кала над Гирдиманом была частью этой системы.

² О мастерстве и жизни Лагича: Ализаде, 2010; Балаев, 2011; Буниядов, 2007; Эфендиев, 1901; Хаджиева, 2013; Калашев, 1886; Караулов, 1901; Маммедбейли, 2004; Сумбатзаде, 1960.

Творчество и мастерство

«Восточный город средневекового стиля» Лагич состоял из семи площадей. Каждая из них была обеспечена колодцем, баней (хамам) и местом поклонения (последнее на данный момент представляет собой мечеть). Преемственность архитектуры обеспечивалась тем, что новые жилые дома строились на тех же участках, где были прежние. Чтобы построить двухэтажные белые дома, люди таскали камни с реки Гирдиман. Лагичцы оттачивали каждый камень, чтобы он вписался в компактный дизайн. Строители насаивали горизонтальные деревянные балки между рядами камней для опоры против землетрясений.

Оборона территории от вражеских атак требовала услуг одного из самых ранних ремесел Лагича - *zirəhgar*, изготовителя оружия и доспехов. Мастера производили защитные доспехи - от шлемов и щитов до наколенников и медных перчаток. Оружие, как огнестрельное, так и с лезвиями - мечи, ножи и т. д. - использовалось как в регионе, так и вывозилось за границу.

Средневековый ремесленный центр Лагич был разделен на профессиональные кварталы. Среди ремесленников Лагича были *mizgər* - медник; *zərgər* - ювелир; *ahəngər* - мастер по железу; *nəilbənd* - кузнец; *xarrat* - резчик по дереву; *nəcor* - плотник; *kuzəgər* - гончар; *rixtagor* - плавильщик металла; *bazzos* - изготовитель тканей и многие другие.

Среди исчезающих ремесел синонимом Лагича стало искусство медников. Мастера-медники отличаются т.н. Ахеменидской техникой орнаментации *ойма* (*оута*). Медное дело достигло своего "золотого века" в середине XIX века. Лагич был признан профессиональной школой медного мастерства всего Кавказа. Тысяча жителей Лагича занималась медным делом, тогда как в Баку было всего два мастера. Медники из других городов приходили обучаться в Лагич, а сами лагичские медники работали и за пределами Лагича. Спрос на произведения мастеров

распространился на Россию, Турцию, Грузию, Иран, Индию и дальше. Искусство Лагича украшает европейские музеи.

Кустарная промышленность семейных предприятий поддерживала процветание Лагича вплоть до XX века, когда индустриализация заставила многих ремесленников уехать. С тех пор как массово производимые продукты наводнили рынок, жители Лагича борются с экономическим кризисом. Они уезжают в современные города в поисках работы, и там, помимо потери языка, испытанием для них становится иная моральная среда. Оставшиеся в Лагиче приспособливают ремесло под сезонный туризм. Азаде Мокадов, пожилой мастер, занимающийся изготовлением конного снаряжения всех видов, олицетворяет неунывающий характер лагичца. Этот слепой умелец продолжает ежедневно работать, не покладая рук. Лагичцы продолжают изобретать способы прокормить свои семьи, подобно популярному персонажу одной из историй о Шахе Аббасе – «Находчивый сапожник».

Находчивый сапожник

Шах Аббас имел обыкновение переодеваться в простую одежду дервиша, чтобы ходить среди своих подданных неузнанным. Однажды вечером, проходя мимо какого-то дома, он услышал веселое пение и барабанную дробь во дворе и зашел, чтобы узнать, что происходит. Его, как и положено по правилам гостеприимства, пригласили поужинать. Сапожник и его семья пели и танцевали от радости, просто, искренне благодаря Бога, что отец заработал для них на ужин. «Дервиш» спросил сапожника, как идет его работа, и тот ответил: «Люди всегда изнашивают свою обувь и нуждаются в ремонте, поэтому работы много». Тогда «дервиш» спросил сапожника, что он будет делать, если шах запретит шить и чинить обувь. Сапожник

ответил: «Не надо ничего бояться и зря волноваться, надо только уповать на Бога. Ты, как дервиш, прекрасно знаешь, что Бог сильнее шаха, и, в конечном счете, именно Бог обеспечивает нас всем».

На следующий день шах издал указ, запрещающий сапожникам заниматься своим ремеслом. «Странствующий дервиш», на самом деле - переодетый Шах Аббас, возвратился вечером к тем же воротам и снова услышал звуки барабанного боя, танца и счастливого пения. Выяснилось, что в то время, как многие сапожники собирались и ворчали по поводу запрета, сапожник принялся за метлу и воду, и, подметая рынок, заработал на еду для своей семьи. Это привело в замешательство «дервиша», который снова сел за стол вместе с семьей сапожника.

На следующее утро люди шаха сломали метлу сапожника, но когда «дервиш» вернулся, он снова услышал радостное пение за ужином. В тот день сапожник подавал чай и хорошенько тер и мыл людям спины в хамаме, в общественной бане, и всё равно принёс домой хлеб. На следующий день шах закрыл все хамамы. Находчивый сапожник, однако, стал помогать подавать еду для скорбящих в мечети. Таким способом, он смог принести домой ещё больше, чем раньше, приготовленной пищи и даже свежих фруктов и орехов. Вечерний посетитель удивлялся продолжающимся празднованиям ежедневной помощи Бога. На следующее утро властолюбивый шах отреагировал на находчивость сапожника закрытием всех

мечетей. Тогда люди шаха схватили сапожника и заставили его работать дворцовым привратником. Сапожник должен был сторожить ворота безо всякой платы, на хлебе и воде, пока не стемнеет.

*Однако даже в ту ночь зазвучал благодарный бой барабана. «Дервиш» узнает, что для того, чтобы прокормить свою семью, сапожник продал меч, данный ему для защиты ворот. На следующий день Шах Аббас попытался окончательно заманить в ловушку и унижить непобедимого сапожника. Правитель приказал сапожнику казнить преступника на площади, отрубив ему голову мечом, который он получил накануне. Сапожник не растерялся, собрал все свое мужество и попросил разрешения сначала произнести молитву. Он молился: "О, Боже, если этот человек виновен, пусть ему будет отрублена голова, а если нет, пусть этот острый медный меч превратится в дерево". Затем он достал из ножен деревянный меч, который сделал ночью, и люди вокруг него стали ликовать и праздновать. Невинный человек не погиб, и всё пошло вопреки злым планам шаха. «Воистину, Бог гораздо могущественнее шаха!» - с благодарностью восторженно воскликнул обрадованный сапожник - Бог продолжает обеспечивать и спасать нас, *Şukr ba Xudo*, - Хвала Богу!».*

Это — самая популярная история из прошлых веков, повествующая о преодолении трудностей во время гонений. Она прекрасно иллюстрирует творческую способность лагичцев отвечать на вызовы. Ремесленники упорно ищут новые способы сохранять традиционные ремесла. Наличие соответствующих

навыков, хорошее владение ремеслами, способность обеспечить семью в разных обстоятельствах остаются важным элементом идентичности лагичцев.

В процессе анализа полевых данных я часто задавалась вопросом, какое отношение имеет идентичность к этике. Современные антропологические дискуссии сосредоточены на ранее отвергнутой, но недавно вновь востребованной теме морали.¹ Жизнестойкость и строгая трудовая этика характерны для общины Лагича. Во времена нужды жители Лагича действуют и молятся, что раскрывает их отношение к Богу.²

Приведенные примеры демонстрируют такие качества жителей Лагича, как преданность семье, которую надо прокормить трудом своих рук, гостеприимство, жажда справедливости, находчивость, творчество и жизнерадостность. Ранее отвергнутая как пережиток, жизненная практика добродетелей становится настоящим показателем того, что значит быть лагичцем. Результаты полевых исследований Лагича подтверждают, что этика общины, сплоченной религиозными понятиями, четко определяет восприятие принадлежности.

Выводы

Лагич можно охарактеризовать как обитель традиций, ценностей и менталитета, сохраняющихся даже во время необратимого влияния глобализации. Лагич по-прежнему является сплоченной общиной с ярко выраженными склонностями к мастерству, творчеству, с собственной устной традицией, которая включает в себя популярные истории о Шахе Аббасе. Однако самобытность Лагича очень хрупка. В то время как их жизнестойкий характер приспосабливается и сохраняется, язык Лагича – иранский

¹ Антропология и этика: см. Fabian, 2002; Faubion, 2011; Laidlaw, 2014.

² Зороастрийское течение в Азербайджане и Лагиче выходит за рамки настоящей статьи и рассматривается в "Zoroastrian Glow in Azerbaijan."

диалект – постепенно исчезает «вне границ»,¹ т.е. за пределами Лагича, ослабевает традиционная этика. ЮНЕСКО внесла ремесла и, в частности, мастерство медников Лагича в список всемирного нематериального культурного наследия. В пределах своей природно-исторической ниши, Лагич является уникальным примером персо-тюркской культурной общности.²

Библиография

- Abdullah, B./Babaev, T. (2007), "Novruz bayramı", *Azərbaycan etnoqrafiyası* (cild 3), Bakı.
- Abazov, A. (2008), *The Palgrave Concise Historical Atlas of Central Asia*, New York.
- Aleksidze, Z. (2003), "Caucasian Albanian Script: The Significance of Decipherment", *Azerbaijan International*, Vol. 11 (3): 56.
- Altstadt, A. L. (1992), *The Azerbaijani Turks: Power and Identity Under Russian Rule*, Stanford.
- Barth, F., (1998), *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*, Illinois.
- Bolukbasi, S. (2011), *Azerbaijan a Political History*, New York.
- Brunner, Ch. (1983), "Geographical and Administrative Divisions: Settlements and Economy", *The Cambridge History of Iran* (Vol. 3 (2): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods), Cambridge.
- Cavadov, Q. (2000), *Azerbaijanin azsayli xalqlari ve milli azliglari*, Bakı.
 ----- (2005), *Yazdım ki, izim qalsın*, Bakı.
- Clifton, J. M. (2008), "Do the Tat and Talysh languages have a future in Azerbaijan?", *Work Papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota Session*, Vol. 49.

¹ Терминология Барта (Barth, 1998).

² К вопросу о "персо-тюркской культурной общности" см. Abazov, 2008.

- (2002), *Studies in Languages of Azerbaijan* (Vol. 2), Baku/St. Petersburg.
- Cornell, S. E. (2011), *Azerbaijan Since Independence*, New York.
- Cummings, S. N. (2012), *Understanding Central Asia*, London/New York.
- Diakonoff, I. M. (1985), "Media", *The Cambridge History of Iran* (Vol. 2: The Median and Achaemenian Periods), Cambridge.
- Delaney, C. (1991), *The Seed and the Soil: Gender and Cosmology in Village Turkish Society*, Berkeley/Los Angeles.
- Fabian, J. (2002), *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*, New York.
- Faubion, J. D. (2011), *An Anthropology of Ethics*, Cambridge.
- Fishman, J. A., (1968), "Nationality-Nationalism and Nation-Nationism", *Language problems of developing nations*, New York.
- (1977), "Language and Ethnicity", *Language, Ethnicity, and Intergroup Relations* (European Monographs on Social Psychology), No. 13.
- (1991), *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical foundations of assistance to Threatened Languages*, Clevedon.
- Frye, R. N. (1963), *The Heritage of Persia*, Cleveland/New York
- (1996), *The Golden Age of Persia*, New York.
- (1997), *Bukhara: The Medieval Achievement*, Costa Mesa.
- (2012), *The Heritage of Central Asia*, Princeton.
- Garibova, J./Asgarova, M. (2009), "Language Policy and Legislation in Post-Soviet Azerbaijan", *Language Policy and Language Planning*, Vol. 33 (3): 191-217.
- Haciyev, M. (1995), *Toj Dujun Xezinemizden*, Baki.
- Hüseynova, G. (2002), *Lahic Tatlarinin Dili*, Baki.
- Khalid, A. (2007), *Islam after Communism Religion and Politics in Central Asia*, Berkeley.

- Laidlaw, J., (2014), *The Subject of Virtue: New Departures in Anthropology*, Cambridge.
- Landau, J. M./Kellner-Heinkele, B. (2001), *Politics of Language in the ex-Soviet Muslim States*, London.
- Marquardt, K. (2011), "Framing language policy in post-Soviet Azerbaijan: political symbolism and interethnic harmony", *Central Asian Survey*, Vol. 30 (2): 181-196.
- Schwartz, M. (1985), "The Religion of Achaemenid Iran", *The Cambridge History of Iran* (Vol. 2: The Median and Achaemenian Periods), Cambridge.
- Swientochowski, T. (1985), *Russian Azerbaijan, 1905-1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Community*, Cambridge.
- /Collins, B. C. (1999), *Historical Dictionary of Azerbaijan*, Maryland/London.
- Wacquant, L. (2015), "Habitus as Topic and Tool: Reflections on Becoming a Prizefighter", *Qualitative Research in Psychology*, Vol. 8(1): 81-92.
- Windfuhr, G. (2012), *The Iranian Languages*, New York.
- Wood, G. (2012), *Novruz in Lahij*, Элми Хэбэрлер, Министерство образования Азербайджанской Республики, АДУ, №. 2: 82-89.
- Woodova, G. (2015), "Lahij, Living Heritage of Azerbaijan", PhD Dissertation, Charles University, Prague.
- Агарунов, Я./Агарунов, М. (2010), *Большой словарь языка горских евреев-Джухури*, Баку.
- Ализаде, А. Х. (2010), *Лагич: историко-этнографическое исследование*, Баку.
- Анисимов, И. С (1888), *Кавказские евреи-горцы*, Москва.
- Беккер, М. (2000), *Евреи Азербайджана: история и современность*, Баку.
- Грантовский, Е. А. (1970), *Ранняя история иранских племен в передней Азии*, Москва.
- Грюнберг, А. Л. (1961), "О месте татского языка среди иранских языков", *Вопросы языкознания*, № 1. : 106–114.

- Каланкатуаци, М. (1984), *История Страны Алуанк*, Ш. В. Смбатяна (пер.), Ереван.
- Калашев, Н. (1886), “Описание М. Саян Джевацкаго Уезда Бакинской Губернии”, *Сборник Материалов для Описания Местностей и Племен Кавказа*, ип. 5, отд. 1, Тифлис.
- Караулов, И. А. (1901), *Сведения Арабских Писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане*, Тифлис.
- Минорский, В.Ф. (1963), *История Ширвана и Дербента X-XI Веков*, Москва.
- Миллер, В.Ф. (1905), “Татские Этюды”, *Труды по востоковедению, Лазаревский институт Восточных Языков*, Том 1.
- Семенов, И. Г. (2007), “Очерк Истории и Географии Расселения Горских Евреев”, *Еврейские Памятники Восточного Кавказа*, Г. С. Сосунов (изд.), Махачкала.
- Сумбатзаде, А. С. (1960), *Производство медной посуды и ружей в местечке Лагич в XIX в.*, Баку.
- Эфендиев, М. (1901), *Селение Лагич, Геокчайского Уезда, Бакинской Губернии*, Баку.

Living Heritage of Lahij

Galina Woodova
Charles University, Prague

Abstract

This introductory essay is based on my doctoral field research, done while residing in Azerbaijan from 2012-2016, exploring the identity of the Lahij coppersmiths. The Lahij people, living in the remote *mountain sanctuary* valley of the Girdiman River, have remarkably preserved their ancient southwest Iranian mother tongue, officially called ‘Tat,’ craftsmanship, traditional lifestyle, folk narratives, prayers,

festivals, rituals and ethical principles. While the attention of foreign specialists is focused on the status of the state languages in the newly established Post-Soviet Central Asian Republics and Azerbaijan, the minorities were mostly overlooked. As the term minority already implies, the speakers of former regional languages are rare. Today, nevertheless, the compound reality of Azerbaijan still includes the presence of these regional languages forming a vital part of the remaining colorful mosaic. Since the history and archeology offers sparse information, an anthropological method adjusted to *observant participation* becomes a suitable way to discover the identity of the Lahij people living remotely in the Caucasus Mountains. On the one hand, the government recognizes Lahij for its Eastern architectural style and has given it the status of a historical preserve. On the other hand, it is not understood yet how it is possible to explore an ancient Iranian heritage of Azerbaijan through an authentic way of life. Within the overwhelming Azerbaijanization the Lahij people form one of the most striking exceptions to assimilation. Their endangered language, however, could be soon lost and their fragile identity could erode.

Keywords: *Lahij language, Identity, Craftsmanship, Narratives, Ethics*